

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 812-820
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Counteraction to Riots in Russian Penitentiary Institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the Materials of the Saratov Province)

Alexander Y. Epifanov ^{a, b, *}

^a Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^b Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article from the standpoint of the history of the state and law reveals the causes and conditions, characteristic features and statistics of riots among the contingent of Russian places of detention at the turn of the XIX-XX centuries. The author analyzes the actions of the prison administration, supervision, police and military formations to neutralize riots and unrest among prisoners. The influence on the level of riots in places of deprivation of liberty of the state of discipline and the regime of serving sentences in penitentiary institutions of the Russian Empire is shown. The author conducts a direct dependence of the riots and unrest on the development of the socio-political conditions that have developed in the Russian Empire, and comes to the conclusion that a characteristic feature of the revolutionary period was the active participation in the mass riots aimed at the release of prisoners by their accomplices and associates who remained at large.

The article is prepared on the basis of various sources, archival materials first of all. Many of them are being introduced into scientific circulation for the first time. The article uses both general scientific (historical, logical, dialectical, system-functional synthesis and analysis), and special-historical (statistical and historical-comparative) methods of cognition. The paper shows statistical data obtained from various sources on incidents that took place in places of detention, which served as elements of riots. The author comes to the conclusion about the significant scale and great public danger of riots among the prisoners of Russian penitentiary institutions. Their development was associated with the formation of a revolutionary situation, negative changes in the composition of prisoners, as well as the state of the regime of serving sentences and places of deprivation of liberty.

Keywords: riots, General Prison Administration, regime, cell, prisons, warden, administration, wardens, police, troops, prison inspector.

1. Введение

Во второй половине XIX в. отмечается резкое изменение русских тюремных нравов. В основном это было вызвано отменой крепостного права и введением новых судебных установлений. Названные обстоятельства изменили как сам контингент заключенных, так и повлекли реформы тюремного устройства. В отличие от предшествующего периода, моральный облик заключенных характеризовался развитием антисоциальных и эгоистических начал в противовес прежним общинным идеалам. Пореформенный период характеризовался быстрым распадом острожной общины. При этом бывшее равновесие в отношениях между острожной аристократией, криминальными авторитетами того времени и плебсом – рядовыми арестантами – нарушилось коренным образом. Эволюция тюремного быта в изучаемый период характеризовалась тем, что по общему правилу в тюрьмы стали попадать лишь по суду. Категория заключенных, привлеченных к уголовной ответственности лишь по произволу помещичьей власти, как это было при крепостном

* Corresponding author

E-mail addresses: mvd_djaty@mail.ru (A.Y. Epifanov)

праве, совершенно отпала. Последовавшие за этим коренные изменения в тюремной жизни повлекли новую, совершенно иную дифференциацию контингента заключенных. Крестьяне-земледельцы и крестьяне-общинники уже не составляли главной, сплоченной массы тюремного населения, как это было прежде. Утрачивает свое значение и традиционная тюремная аристократия – бродяги, представители которой в результате судебной реформы и введения ссылки в основном сосредотачиваются на Сахалине. В изучаемый период основными категориями заключенных становятся привилегированные бродяги и «иваны», противоположностью которых являлся арестантский плебс, именовавшийся «кобылкой» или «шпанкой». Бродяги превращаются в истинный бич арестантских партий. Будучи людьми крайне испорченными и сплоченными между собой, они совершенно поработили безответную «шпанку». Завладев местами старост, поваров, хлебопек и т.п., они обирали и обворовывали остальных арестантов. Будучи лазаретными служителями, бродяги обворовывали и при необходимости убивали больших арестантов. Заметив у кого-нибудь из «кобылки» деньги, они тут же их отнимали. Нередко бродяги насиловали жен прямо на глазах их мужей, а в случае протеста избивали их до полусмерти. Всегда занимая себе лучшие места на нарах, бродяги заставляли «шпанку» устраиваться на ночлег на полу (*Тюремный вестник, 1903. № 2: 161*). Таким образом, ограниченное преобладание тюремной аристократии – бродяжничества, имевшее место и в прежних, дореформенных острогах, в изучаемый период выродилось в ничем не ограниченное эгоистическое самовластие криминальных авторитетов. Прежняя острожная аристократия выродилась и вместо правомерной острожной общины воцарился произвол разбойничьей шайки. Вместе с тем, благодаря суровому режиму и бдительному надзору, насаждаемым в пореформенный период, в каторжных тюрьмах прекращают свое существование как общинная организация заключенных, так и сплоченная корпорация бродяг, наряду с развитием шпионства и наущничества среди арестантов.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирических источников автором были использованы различные источники. Среди них – связанные с темой исследования литература, нормативные акты и правоприменительная практика. Большое внимание уделялось архивным источникам. В Государственном архиве Волгоградской области (Волгоград, Российская Федерация) изучен фонд № 290 Камышинской уездной тюрьмы Саратовской губернии, относящийся к периоду 1867–1917 гг. При этом была использована документация Главного тюремного управления (ГТУ), а также Саратовского тюремного инспектора.

Важной группой источников, при помощи которой была раскрыта затронутая тема, явились опубликованные собрания документов, касающиеся организации и деятельности дореволюционных пенитенциарных учреждений. В частности, были использованы издававшиеся Главным тюремным управлением «Тюремные вестники» (*Тюремный вестник, 1903. № 2; Тюремный вестник, 1910. № 5*).

Статья подготовлена с использованием общенаучных и исторических методов исследования. Традиционно широко использовался метод материалистической диалектики, благодаря которому анализируемые явления рассматривались не сами по себе, а в тесной связи с иными общественными явлениями, социально-экономическим развитием, классовой борьбой и прочими факторами. Затрагиваемая проблематика рассматривалась в непрерывном развитии и согласно объективным закономерностям.

Учитывая то обстоятельство, что история – это непрерывное движение во времени, развивающаяся действительность, существование ее немыслимо без хронологии. В этой связи в исследовании был использован хронологический метод как специфический метод познания истории вообще, так и рассматриваемых событий в частности.

Большое значение при подготовке статьи придавалось сравнительному методу, что позволило выделить в истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи общее и повторяющееся, с одной стороны, а с другой – особенное.

Для получения целостного представления о состоянии российской тюремной системы изучаемого периода был использован метод системного анализа. При этом затрагиваемые проблемы рассматривались во всей совокупности присущих им черт, качеств и признаков, т.е. в системе.

С использованием статистического метода были получены новые количественные характеристики изучаемых явлений. В совокупности со сделанными в результате применения логического метода обобщениями они позволили сделать объективные выводы по поводу режима отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Российской империи изучаемого периода.

3. Обсуждение

Новизна проведенного автором исследования определяется прежде всего комплексным раскрытием аспектов, связанных с проявлениями беспорядков среди арестантов мест заключения дореволюционной России изучаемого периода, их причинами, условиями и особенностями. Несмотря на все многообразие связанной с тюремоведением литературы, проблематика по теме исследования затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В дореволюционный период такие авторы, как

В.С. Войтинский (Войтинский, 1914), Н.Ф. Лучинский (Лучинский, 1910), С.В. Максимов (Максимов, 1900), В.Д. Набоков (Набоков, 1908), С.В. Познышев (Познышев, 1915) и др., касались ее в политологическом и историческом аспектах.

В советский период история отечественных пенитенциарных учреждений излагалась в идеологизированном и тенденциозном плане. В работах К.В. Адамовича (Адамович, 1928), С.С. Анисимова (Анисимов, 1923), Г.Н. Брейтмана (Брейтман, 1922), В.Л. Бурцева (Бурцев, 1923), Я.М. Зильберштейна (Зильберштейн, 1925), И.В. Короткова (Коротков, 1923) и др. порядок отбывания наказания в местах заключения царской России однозначно оценивался как бесчеловечный и преступный, противодействие арестантов установленному в пенитенциарных учреждениях режиму оценивали в основном позитивно.

В многоотном исследовании М.Н. Гернета «История царской тюрьмы» (Гернет, 1961; Гернет, 1962; Гернет, 1963) также затрагивались многие аспекты истории и правового положения мест заключения Российской империи, в том числе связанные с сопротивлением арестантов установленному в них режиму.

Современные работы А.А. Гейфмана (Гейфман, 1997), О.Н. Квасова (Квасов, 2021), А.П. Михеева (Михеев, 2013), О.Н. Науменко (Науменко, 2008), В.О. Пырх (Пырх, 2018), С.В. Сухорукова (Сухоруков, 2007) и др. деполитизированны и объективны. Кроме того, они вводят в научный оборот новые исторические источники, архивные материалы прежде всего.

Проблемы обеспечения прав арестантов в российских местах заключения, противодействия их побегам и террору в отношении чинов надзора и администрации в изучаемый период стали объектом исследования А.Е. Елифанова, Е.М. Павленко, Е.Е. Красноженовой и С.Н. Кулика (Epifanov, Pavlenko, 2021; Epifanov et al., 2022; Epifanov, 2022).

В названных работах вопросы, касающиеся истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв., нашли отражение лишь частично, систематического и комплексного исследования они не получили.

4. Результаты

В изучаемый период на Сахалине сложились 4 класса осужденных: иваны, храпы, троки и шпанка. При этом последние выносили на себе основную часть тягот и лишений заключения. Несколько иные категории заключенных были характерны для пересыльных тюрем. Впервые осужденные относились там к так называемым «брусам», которые в свою очередь подразделялись на «лежавых», т.е. не подверженных преступным наклонностям, и «шпановых», напротив, склонных к совершению новых преступлений. Оба эти разряда, особенно первые, являлись объектом всевозможных притеснений со стороны рецидивистов-«фартовиков» (Тюремный вестник, 1903. № 2: 164-165).

После буржуазных реформ XIX в. состав заключенных российских тюрем резко изменился. Их обычным контингентом стали люди порочные, лишённые всяких инстинктов общежития. Таким образом, с одной стороны, среди заключенных оказались люди физически сильные, волевые, но чрезвычайно порочные. Большинство же арестантов составили люди слабые телом и духом, болезненные и вырождающиеся, алкоголики, зачастую психически нездоровые, которые оказались неспособными отстаивать свои интересы и противостоять деспотизму криминальных авторитетов.

Соответственным образом изменились тюремные нравы и обычаи. Самым приятным развлечением в тюрьмах становится издевательство над беззащитными и слабыми арестантами, а также драки. Вместе с тем со всей строгостью в среде арестантов наказывалось убийство своего товарища, а также шпионство, которые карались смертью (Тюремный вестник, 1903. № 2: 168-171).

В тюрьмах процветали противоестественные пороки, причем пассивная сторона находилась в противоречивом положении: подобных арестантов то баловали, то били. Возможность общения с женщинами, которая могла иметь место даже в тюрьмах с самым строгим режимом, способствовала расцвету полового разврата.

Преобладающее влияние в местах заключения принадлежало самым испорченным и самым преступным элементам, которые задавали тон, перед которыми преклонялись остальные арестанты. Арестанты считали врагом осудившее и отвергнувшее их общество, безразлично относились к преступлениям, направленным против «чалдонов», т.е. свободных людей. Даже самое зверское преступление не вызывало у них осуждения. Вместе с тем заключенные враждебно относились к отцеубийцам и братоубийцам. В целом преступлением считалось только убийство, кража во внимание не принималась совершенно. Убийство не из-за денег расценивалось как обычное баловство (Тюремный вестник, 1903. № 2: 173-174).

Вместе с тем, как и в прежние времена, среди арестантов устойчиво сохранялись чувства арестантской чести и товарищества. Так, несмотря на риск, сохранялся обычай помогать всеми возможными средствами посаженным в карцер товарищам, невзирая на причины применения данной меры. Им арестанты готовы были отдать последний табак, сахар, лучший кусок мяса. Особые льготы среди заключенных обретали арестанты, совершившие побег, вплоть до прощения им всех

долгов. По этой причине многие совершали побеги на короткое время только ради этого (*Тюремный вестник, 1903. № 2: 171*).

Еще одной характерной чертой заключенных была одержимость жаждой мщения своим действительным или мнимым врагам, оставшимся на свободе. Арестанты поражали своим почти детским легкомыслием, импульсивностью действий, которые выражались в крайней необдуманности и поспешности своих действий. Из-за этого они не представляли себе как своих, так и чужих страданий. У наиболее испорченных отмечалось особое, маниакальное сладострастие жестокости, у иных даже болезненная свирепость. Многие в этих безрадостных проявлениях приписывалось крайнему невежеству преступников, полному отсутствию для большинства из них какого бы то ни было нравственного или религиозного воспитания. По этой причине они являлись в полной мере рабами своих животных инстинктов, не имея никакого представления об этических мотивах. Среди заключенных были не редкостью и такие, кто сознательно, по убеждению отвергал всякую нравственность. Их девизом по жизни служило: «Наплюй на закон, на веру, на мнение общества, режь, грабь и живи во всю!» (*Тюремный вестник, 1903. № 2: 175*).

Многие каторжники обладали дурной наследственностью и всеми признаками физического вырождения. Известный своим зверством даже на Сахалине каторжник Ширококолов, например, был сыном каторжных родителей, сосланных за убийства и поженившихся также на каторге (*Тюремный вестник, 1903. № 2: 175*).

Свое дальнейшее развитие в тюрьмах и на каторге изучаемого периода получили понятия о чести, причем за ее оскорбление заключенные были готовы убить. В этой связи необходимо отметить, что арестанты были самолюбивы до болезненности и были готовы защищать свою честь до последней капли крови. Согласно тюремным понятиям честь арестанта включала несколько элементов. Прежде всего, каждый из них должен был быть хорошим вором, не трусом, делиться добычей с товарищами, не шпионить и несколько раз посидеть в тюрьме. На свободе необходимо было появиться хоть иногда в хорошем костюме и при деньгах, чтобы продемонстрировать результаты своей воровской работы. Во имя чести надлежало не выдавать товарищей и помогать им в случае поимки. Кроме того, честь не позволяла криминальным авторитетам сблизиться с мелкими преступниками, если те не отличались особой физической силой. В арестантской среде существовали особенно тяжкие оскорбления, смыть которые можно было только кровью. Среди них, например, обращение как с сексуальным меньшинством или распутной женщиной. Общим презрением, сопровождающимся постоянными побоями, был чреват отказ в помощи беглым (*Тюремный вестник, 1903. № 2: 176-177*).

Таблица 1. Сведения о происшествиях в местах заключения в 1899–1908 гг. (*Тюремный вестник, 1910. № 5: 698*)

Годы	Беспорядки	Убийство арестантов арестантами	Нанесение арестантами ран и побоев друг другу	Святотатство	Поджоги	Самоубийство и покушение на самоубийство арестантов
1899	13	2	12	-	1	11
1900	6	4	7	-	2	10
1901	51	17	24	3	1	24
1902	63	20	26	3	2	20
1903	168	16	79	6	7	42
1904	140	22	74	21	3	42
1905	137	28	41	9	4	40
1906	133	42	122	2	7	42
1907	145	58	116	14	23	118
1908	43	42	72	9	9	103

Большие успехи в арестантской среде получило развитие капиталистических начал. В этой связи большой авторитет на каторге приобрели ростовщики – «отцы» или «майданщики» по тюремной терминологии. Характерно, что неисправные должники в интересах ростовщика подвергались жестокому избиванию арестантами, нередко приводившему к гибели. Во всех тюрьмах и на каторге дореволюционной России процветали азартные игры. В этой связи в арестантской среде

выделился особый класс игроков. Те из них, кто уличался во время игры в шулерстве, подлежали избитию до полусмерти всеми присутствующими (*Тюремный вестник*, 1903. № 2: 170).

Как это можно заметить из *Таблицы 1*, сведения о беспорядках в тюрьмах особой точностью не отличались и носили субъективный характер. Связано это было в основном с тем, что точного определения беспорядков применительно к вверенным пенитенциарным учреждениям в практике Главного тюремного управления так и не сложилось. Вместе с тем проводилось различие соответствующих деяний и иных нарушений арестантами тюремных правил (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 698).

Период 1903–1907 гг., т.е. накануне и в ходе Первой русской революции, в плане уровня преступности среди арестантского населения выделялся как аномальный, после чего наступает период успокоения и более мирных отношений как между арестантами и тюремным надзором, так и среди них самих. Примечательно, что совершаемые арестантами многочисленные кражи не регистрировались вообще. Таким образом, судить о преступной деятельности арестантов представляется возможным лишь в самых общих чертах. Что касается самоубийств, обращает на себя внимание их довольно низкий уровень по сравнению с европейскими странами. Так, в бельгийских местах заключения в 1907 г. их совершалось в 7 раз больше, чем в российских тюрьмах (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 700).

Наибольшее число беспорядков (по 15–20) в 1904–1908 гг. имело место в Вятской, Донской, Тверской, Вологодской и Бессарабской губерниях. Их минимальное количество было отмечено в Иркутской, Подольской, Смоленской (по одному случаю), Лифляндской (два), Полтавской (три) губерниях. За этот же период беспорядки ни разу не возникали в Оренбургской и Курляндской губерниях. Тюрьмы Тобольской, Екатеринославской, Бакинской, Дагестанской, Гродненской и Астраханской губерний, а также Донской, Амурской и Батумской областей оказались особенно подверженными убийствам и насилию между заключенными. Отмечалось, что преступность среди арестантов (убийства и насилие в особенности) в западной части Империи была менее интенсивна, а на востоке и юго-востоке достигала наибольшей напряженности. Мирное и уравновешенное население Литвы, Польши, Белоруссии и Прибалтийского края даже в тюрьме сохраняло спокойствие. Грубое и нравственно неразвитое население южных и восточных регионов (Кавказа особенно), напротив, было подвержено разного рода столкновениям, подчас приводящим к кровавой развязке (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 702).

Как это следовало из получаемых Главным тюремным управлением сообщений с мест, в ряде тюрем участились случаи беспорядков, которые выражались не только в нарушении тишины и благочиния, отказе от обязательных работ, приема пищи, но и в явном сопротивлении арестантов чинам тюремного надзора. Причины подобных явлений крылись в отступлениях от установленных законом режимных требований содержания заключенных, недостаточно усердном исполнении чинами тюремного надзора своих служебных обязанностей и их недостаточной профессиональной подготовке.

Так, 16 февраля 1904 г. массовые беспорядки произошли среди заключенных Саратовской губернской тюрьмы. Их причиной Тюремным отделением Саратовского губернского правления были названы бездействие и нераспорядительность тюремной администрации, незнание надзорсоставом своих обязанностей, недостаток у них мужества и полное отсутствие сознания долга (*ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 76*).

Как показало расследование, заблаговременно зная о готовящихся беспорядках, начальник тюрьмы никаких мер к их предупреждению не принял и губернскому начальству ничего о них не донес. Его дежурный помощник, подвергшись нападению в самом начале беспорядков со стороны одного из арестантов, вместо того чтобы лично пустить в ход оружие либо отдать приказание стрелять постовым надзирателям, сбежал в контору тюрьмы под предлогом необходимости сообщить о происшествии чинам губернской тюремной инспекции. Его примеру последовали и пустились в бегство все 13 находившихся в тюрьме надзирателей. При этом одному из арестантов удалось отнять у старшего надзирателя пашку, а у постового – револьвер. Ни тот, ни другой при этом никакого сопротивления не оказали. Вскоре все здание тюрьмы оказалось в полном распоряжении арестантов, которые подожгли его и учинили в нем полный разгром. Затем они проникли в женское отделение и принялись насиловать его обитательниц. Лишь с прибытием войск бунтовщики были усмирены.

Одним из наиболее распространенных и способствующих совершению беспорядков нарушений тюремного режима, допускавшегося чинами администрации и надзорсостава, являлось оставление камер с заключенными незапертыми. 22 сентября 1903 г. Саратовский губернский тюремный инспектор потребовал от начальников вверенных тюрем безусловного содержания всех камер на запоре. Категорически запрещалось выпускать весь состав тюремного населения, особенно подследственных и каторжников, в коридор одновременно (*ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 25*).

В нарушение установленных правил допускались бесконтрольные свидания с неизвестными тюремной администрации лицами и передача ими арестантам приносимых извне вещей. В одних и тех же камерах смешивались осужденные и следственные заключенные различных категорий. Имело место ношение арестантами собственных платья и белья, хранение в камерах недозволенных вещей и денег. Даже в местах заключения для особо опасных преступников с наиболее строгим режимом

отбывания наказания разрешалось приобретать продукты со стороны, курить табак, беспрепятственно распоряжаться заработком, получать на руки наличные деньги сверх установленных норм.

Способствующее укреплению дисциплины трудовое использование заключенных успешно практиковалось лишь в немногих пенитенциарных учреждениях. Меры к их нравственному перевоспитанию и обучению предпринимались лишь в крупных центрах и в крайне незначительной степени. ГТУ отмечалось, что чины местного тюремного управления зачастую не обладали качествами полных хозяев вверенных учреждений, с характером и наклонностями арестантов не знакомились, избегали входить в их нужды и укреплять тем самым собственный авторитет, в недостаточной степени следили за правильностью и законностью действий подчиненных им надзирателей. Последние и вовсе не проявляли никакого стремления к изучению специальных условий надзора за арестантами, вступали с ними в неподобающие разговоры и сношения, часто рассматривая себя в качестве тюремной прислуги.

Подобные ненормальные отношения вызывали полное отсутствие к ним уважения со стороны заключенных, особенно привилегированных сословий. Безразличие руководства пенитенциарных учреждений к подобным проявлениям влекло за собой противозаконную снисходительность чинов надзора к арестантам либо, напротив, превышение ими власти. Распущенность и неопределенность, получившие развитие в местах лишения свободы, в свою очередь лишали их того значения, которое им придавалось. В результате у заключенных притуплялось осознание необходимости подчиняться правилам, регулирующим тюремный режим.

С тем чтобы привести условия содержания арестантов в надлежащий порядок, ГТУ начальникам мест заключения было предписано неуклонно соблюдать установленные правила приема и содержания арестантов, принять меры к развитию арестантского труда, благотворному религиозному воздействию на заключенных, изучению личных свойств каждого из них, обучению арестантов грамоте, настойчиво следить за соблюдением в тюремных помещениях тишины и благочиния.

Для предупреждения волнений в местах заключения их начальникам предписывалось быстрыми и решительными мерами прекращать их в зародыше. В крайних случаях, при упорном неповиновении и буйстве заключенных, их групповом сопротивлении тюремному надзору, для восстановления порядка и спокойствия допускалось прибегнуть к содействию войск по заранее достигнутому с местным военным начальством соглашению. Особое внимание чинов тюремной администрации обращалось на необходимость содержания в местах заключения согласно установленным правилам политических арестантов.

Важная роль в наведении порядка и предотвращении беспорядков в пенитенциарных учреждениях отводилась губернским тюремным инспекциям. Под непосредственным наблюдением губернаторов им отводилась ведущая роль не только в ревизии, но и руководстве тюремной администрацией. При этом им надлежало не только констатировать те или иные нарушения тюремного режима, но и принимать все необходимые меры к их устранению, в целом лично направлять деятельность вверенных тюремных учреждений. В этой связи тюремные инспекторы и их помощники обязаны были вникать во все детали тюремного быта, посещая днем и ночью подведомственные им места заключения (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 174-177).

Главное тюремное управление своими циркулярами от 22 апреля и 15 июля 1906 г. (№ 7 и 14 соответственно) вменило начальникам (смотрителям) тюремных учреждений ряд «непременных обязанностей» (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 19). Согласно таковым за вверенными местами заключения «денно и ночью» всеми чинами тюремной администрации и стражи был установлен «самый зоркий» надзор. Надзорсоставу были не только разъяснены их права и обязанности, но и серьезная ответственность за бездействие власти. Особое внимание при этом обращалось на выработку быстрых, решительных, но в то же время «строго законных» мер на случай возникновения всеобщих беспорядков и попыток нападения на надзор.

Придавая огромное значение совершенствованию руководства начальниками тюрем вверенным надзорсоставом, им было предписано еженедельно собирать в контору свободных от службы чинов и лично проверять знание ими своих служебных обязанностей. В книге приказов надлежало оставлять детальные письменные разъяснения по поводу имевших место волнений среди арестантов, подробно разбирая при этом каждый недостаток или промах. Если же чины надзора действовали в ходе беспорядков находчиво и оперативно, их опыт подлежал распространению среди остального надзорсостава, а сами они – поощрению (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 76). При возникновении беспорядков чинам надзора надлежало не только поднять тревогу и доложить о них старшему начальнику, но и, не покидая своего поста, решительно действовать оружием либо применять иные надлежащие меры.

Меры по предупреждению массовых беспорядков осуществлялись, как правило, под непосредственным контролем губернатора специально назначенными чинами местной полиции. Так, 29 марта 1906 г. камышинский уездный исправник (Саратовская губерния) уведомил губернатора и начальника местной тюрьмы о готовящихся в городе беспорядках, основной целью которых было освобождение находящихся под стражей арестантов. Во избежание разгрома тюрьмы по ходатайству

исправника уездным воинским начальником были усилены конвойные подразделения для ее охраны (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 38. Л. 2-3). Командированным в Камышинский уезд с особым поручением земским начальником 4-го участка соседнего Балашовского уезда было созвано совещание с участием командира 5-й роты Бобруйского полка, пристава и помощника исправника Камышина, на котором были выработаны меры по предупреждению беспорядков. В частности, город был разделен по районам ведения исполнительных чиновников полиции. Охрана тюрьмы при этом была поручена полицейскому надзирателю с 6 конными стражниками. В качестве резерва общее наблюдение за городом осуществлял камышинский пристав, располагавший кавалерийским отрядом из 17 горцев (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 38. Л. 4-5).

Циркуляром саратовского губернского инспектора № 28 от 25 апреля 1901 г. в целях своевременного принятия соответствующих мер при размещении прибывающих арестантов начальникам вверенных тюрем было вменено в обязанность прилагать к их делам особые аттестаты о поведении. При этом им было предписано снабжать названные аттестаты сведениями о благонадежности или неблагонадежности арестанта, а также о замеченных его особенностях, требующих принятия особых мер на предмет поддержания порядка в тюрьме (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 131).

Дознания, проведенные в местах заключения, красноречиво свидетельствовали о том, что главными виновниками в подстрекательстве к неповиновению и иным нарушениям дисциплины являются, главным образом, те арестанты, которые неоднократно отбывали лишение свободы и перемещались из одной тюрьмы в другую. Учитывая данное обстоятельство, в целях предотвращения беспорядков саратовский губернский тюремный инспектор 10 июня 1903 г. предложил начальникам тюрем губернии оборудовать особую камеру для содержания исключительно заключенных-рецидивистов (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 19).

5. Заключение

Функционирование российских мест заключения на рубеже XIX–XX вв. в значительной степени было отягощено беспорядками среди их контингента, особенно активизировавшимися в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Реорганизация мест заключения Российской империи во многом вызывалась именно ростом числа бунтов и волнений арестантов.

Росту числа подобных проявлений в пенитенциарных учреждениях способствовали изменения в характере и составе заключенных, переполнение мест заключения и возрастание удельного веса в них осужденных государственных преступников, допускаявшиеся чинами надзорсостава и тюремной администрации небрежное исполнение служебных обязанностей, ослабление дисциплины, а также просчеты в обеспечении режима отбывания наказания.

Характерной особенностью революционного периода явилось активное участие в направленных на освобождение арестантов массовых беспорядках их соучастников и сподвижников, остававшихся на свободе. Противодействие беспорядкам в местах лишения свободы вызвало необходимость действенных мер, направленных на укрепление режима отбывания наказания и дисциплины среди не только арестантов, но и персонала мест заключения.

Литература

- Адамович, 1928 – Адамович К.В. Отбитая тюрьма. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 88 с.
- Анисимов, 1923 – Анисимов С.С. Бунт в тобольской каторжной тюрьме (Из материалов С.С. Анисимова) // *Каторга и ссылка*. 1923. № 6. С. 200–224.
- Брейтман, 1922 – Брейтман Г.Н. Преступный мир. Киев: Типография губернского правления, 1922. 302 с.
- Бурцев, 1923 – Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922). Берлин: Гамаюн, 1923. Т. I. 379 с.
- Войтинский, 1914 – Войтинский В.С. Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги. СПб.: Издательство В.С. Войтинского, 1914. 255 с.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Гейфман, 1997 – Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.
- Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.
- Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.
- Гернет, 1963 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1963. 340 с.
- Зильберштейн, 1925 – Зильберштейн Я.М. Воспоминания о Смоленской каторжной тюрьме (1909–1910 гг.) // *По тюрьмам в эпоху первой революции*. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Кн. VII. С. 29–46.
- Квасов, 2021 – Квасов О.Н. Тюремный террор революционеров в Российской империи // *Вестник Томского государственного университета*. История 2021. № 72. С. 44–49.

- [Коротков, 1923](#) – *Коротков И.В.* В Саратовской тюрьме // *Каторга и ссылка.* 1923. № 6(6). С. 189-199.
- [Лучинский, 1910](#) – *Лучинский Н.Ф.* Наши тюремные и тюремно-благотворительные учреждения // *Журнал Министерства юстиции.* 1910. № 1. С. 165-197.
- [Максимов, 1900](#) – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. 487 с.
- [Михеев, 2013](#) – *Михеев А.П.* Пенитенциарная преступность в тобольской каторге в начале XX века: проблемы тюремного надзора // *Вестник Омского государственного педагогического университета.* Гуманитарные исследования. 2013. № 1(1). С. 106-109.
- [Набоков, 1908](#) – *Набоков В.Д.* Тюремные досуги. СПб.: Право, 1908. 65 с.
- [Науменко, 2008](#) – *Науменко О.Н.* Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. 181 с.
- [Познышев, 1915](#) – *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. 296 с.
- [Пырх, 2018](#) – *Пырх В.О.* Революционный терроризм в России начала XX в.: убийство сибирского тюремщика И.С. Могилева // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 432. С. 144-149.
- [Сухоруков, 2007](#) – *Сухоруков С.В.* История Екатеринбургской тюрьмы // *Урал.* 2007. № 12. С. 148-224.
- [Тюремный вестник, 1903](#) – *Тюремный вестник.* 1903. № 2.
- [Тюремный вестник, 1910](#) – *Тюремный вестник.* 1910. № 5.
- [Epifanov et al., 2022](#) – *Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N.* Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 876-889.
- [Epifanov, 2022](#) – *Epifanov A.E.* From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19th – 20th centuries // *Bylye Gody.* 2022. 17(4): 1867-1876.
- [Epifanov, Pavlenko, 2021](#) – *Epifanov A.E., Pavlenko E.M.* From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province) // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 1910-1921.

References

- [Adamovich, 1928](#) – *Adamovich, K.V.* (1928). Otbitaya tyurma. [Beaten prison]. М.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i sсыlno-poselencev, 88 p. [in Russian]
- [Anisimov, 1923](#) – *Anisimov, S.S.* (1923). Bunt v tobol'skoj katorzhnoj tjur'me (Iz materialov S.S. Anisimova) [Riot in the Tobolsk hard labor prison (From the materials of S.S. Anisimov)]. *Katorga i ссылка.* 6: 200-224. [in Russian]
- [Brejtman, 1922](#) – *Brejtman, G.N.* (1922). Prestupnyj mir [Underworld]. Kiev: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 302 p. [in Russian]
- [Burtsev, 1923](#) – *Burtsev, V.L.* (1923). Bor'ba za svobodnuju Rossiju. Moi vospominanija (1882–1922). [Fight for a free Russia. My memories (1882–1922)]. Berlin: Gamayun, 1923. Т. I. 379 p. [in Russian]
- [Epifanov et al., 2022](#) – *Epifanov, A.E., Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.N.* (2022). Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 17(2): 876-889.
- [Epifanov, 2022](#) – *Epifanov, A.E.* (2022). From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19th – 20th centuries. *Bylye Gody.* 17(4): 1867-1876.
- [Epifanov, Pavlenko, 2021](#) – *Epifanov, A.E., Pavlenko, E.M.* (2021). From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye Gody.* 16(4): 1910-1921.
- [GAVO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoj oblasti [State Archive of the Volgograd Region].
- [Geifman, 1997](#) – *Geifman, A.A.* (1997). Revoljucionnyj terror v Rossii, 1894–1917 [Revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. М.: Kron-Press, 448 p. [in Russian]
- [Gernet, 1961](#) – *Gernet, M.N.* (1961). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 3. М., 430 p.
- [Gernet, 1962](#) – *Gernet, M.N.* (1962). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 4. М., 302 p. [in Russian]
- [Gernet, 1963](#) – *Gernet, M.N.* (1963). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 5. М., 340 p. [in Russian]
- [Korotkov, 1923](#) – *Korotkov, I.V.* (1923). V Saratovskoj tjur'me [In the Saratov prison]. *Katorga i ссылка.* 6(6): 189-199. [in Russian]
- [Kvasov, 2021](#) – *Kvasov, O.N.* (2021). Tjurementnyj terror revoljucionerov v Rossijskoj imperii [Prison terror of revolutionaries in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 72: 44-49. [in Russian]
- [Luchinsky, 1910](#) – *Luchinsky, N.F.* (1910). Nashi tjurementnye i tjurementno-blagotvoritel'nye uchrezhdenija [Our prison and prison charitable institutions]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii.* 1: 165-197. [in Russian]

- Maksimov, 1900** – *Maksimov, S.V.* (1900). Sibir' i katorga [Siberia and hard labor]. St. Petersburg: Edition of V.I. Gubinsky, 487 p. [in Russian]
- Mikheev, 2013** – *Mikheev, A.P.* (2013). Penitenciarnaja prestupnost' v tobol'skoj katorge v nachale XX veka: problemy tjuremnogo nadzora [Penitentiary crime in Tobolsk penal servitude at the beginning of the 20th century: problems of prison supervision]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1(1): 106-109. [in Russian]
- Nabokov, 1908** – *Nabokov, V.D.* (1908). Tyuremnye dosugi [Prison leisure]. SPb.: Pravo, 65 p. [in Russian]
- Naumenko, 2008** – *Naumenko, O.N.* (2008). Tobol'skij tjuremnyj zamok: stranicy istorii [Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 181 p. [in Russian]
- Poznyshev, 1915** – *Poznyshev, S.V.* (1915). Ocherki tyurmovedeniya. [Essays on Prison Studies]. M.: G.A. Leman i B.D. Pletnev, 296 p. [in Russian]
- Pyrkh, 2018** – *Pyrkh, V.O.* (2018). Revoljucionnyj terrorism v Rossii nachala XX v.: ubijstvo sibirskogo tjuremshhika I.S. Mogileva. [Revolutionary terrorism in Russia at the beginning of the 20th century: the murder of the Siberian jailer I.S. Mogilev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 432: 144-149. [in Russian]
- Sukhorukov, 2007** – *Sukhorukov, S.V.* (2007) Istorija Ekaterinburgskoj tjur'my [History of the Yekaterinburg prison]. *Ural*. 12: 148-224. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1903** – *Tyuremnyi vestnik*. 1903. № 2. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1910** – *Tyuremnyi vestnik*. 1910. № 5. [in Russian]
- Vojtinskij, 1914** – *Vojtinskij, V.S.* (1914). Vne zhizni. Ocherki tyurmy i katorgi. [Out of life. Essays on prison and hard labor]. SPb.: Izdatelstvo V.S. Vojtinskogo, 255 p. [in Russian]
- Zil'bershtein, 1925** – *Zil'bershtein, Ya.M.* (1925). Vospominaniya o Smolenskoj katorzhnoi tyur'me (1909–1910 gg.) [Memories of the Smolensk hard labor prison (1909–1910)]. Po tyur'mam v epokhu pervoi revolyutsii. M.: Izd-vo Vsesoyuz. obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. Kn. VII. Pp. 29-46. [in Russian]

Из истории противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии)

Александр Егорович Епифанов ^{a, b, *}

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^b Академия управления Министерства внутренних дел России, Российская Федерация

Аннотация. В статье с позиций истории государства и права раскрываются причины и условия, характерные черты и статистика беспорядков среди контингента российских мест заключения на рубеже XIX–XX веков. Автор анализирует действия тюремной администрации, надзорсостава, полиции и войсковых формирований по нейтрализации бунтов и волнений среди арестантов. Показано влияние на уровень беспорядков в местах лишения свободы состояния дисциплины и режима отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Российской империи. Автор проводит прямую зависимость бунтов и волнений от развития сложившихся в Российской империи социально-политических условий, приходит к выводу о том, что характерной особенностью революционного периода явилось активное участие в направленных на освобождение арестантов массовых беспорядках их соучастников и сподвижников, остававшихся на свободе.

Статья подготовлена на основе относящихся к территории Саратовской губернии различных источников, архивных материалов, прежде всего. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. В статье используются как общенаучные (исторический, логический, диалектический, системно-функциональный синтез и анализ), так и специально-исторические (статистический и историко-сравнительный) методы познания. В работе приведены полученные из разного рода источников статистические данные об имевших место в местах заключения происшествиях, послуживших элементами беспорядков. Автор приходит к выводу о значительных масштабах и большой общественной опасности беспорядков среди арестантов российских пенитенциарных учреждений. Их развитие было связано с формированием революционной ситуации, негативными переменами в составе заключенных, а также состоянием режима отбывания наказания и мест лишения свободы.

Ключевые слова: беспорядки, Главное тюремное управление, режим, камера, тюрьмы, администрация, надзиратели, полиция, войска, тюремный инспектор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvd_djaty@mail.ru (А.Е. Епифанов)